

Референдум 2016: как мы здесь оказались?

Материалы круглого стола

17.10.2016

На круглом столе эксперты обсудили ситуацию, связанную с назначенным на конец 2016 года референдумом по изменению конституции. Почему в Кыргызстане в очередной раз собрались менять конституцию было основным вопросом круглого стола.

Выступающие:

- **Валентин Богатырев**, координатор Аналитического консорциума «Перспектива»
- **Клара Сооронкулова**, доцент МУЦА, экс-член Конституционной палаты КР
- **Дина Маслова**, главный редактор интернет-издания «Заноза»
- **Эмиль Джураев**, доцент АУЦА

Валентин Богатырев:

1. Я бы хотел сегодня поговорить о кино.

Кино, эта выдуманная реальность, сегодня является доминирующим форматом нашей жизни. Битком набитые кинотеатры, бесконечные многосезонные, соизмеримые по времени с самой жизнью, сериалы.

Но если бы речь шла только о кинотеатрах. Вся наша жизнь становится похожа на кино. Все больше и больше мы имеем дело с дефляцией реальности. Я вам напомню Жана Бодрийера, не без оснований считавшего, что социальные системы ни что иное как производные от знаковых систем. Огромные человеческие агломераты живут в выдуманных мирах, воспринимая их как реальные, и не зная никакой другой жизни. То есть вся наша жизнь не что иное как некое кино.

Политическая жизнь, тем более для страны, где до сих пор никакой политики не было - это та область, где в первую очередь симулякры размывают реальность.

Это ровно та ситуация, которую мы имеем сейчас у нас в стране.

Причем есть два плана виртуальности.

Первое, что мы видим на поверхности, это исчезновение самого представления о политике как целенаправленной деятельности. Она стимулируется сугубо прагматической целью сохранения или обретения властных полномочий - успехом локального уровня не имеющим ничего общего ни с реализацией конкретных программ, ни даже с выполнением обещаний, данных электорату.

Но это еще не самое страшное. Вся политическая сфера жизни перестает иметь смысл относительно самой этой жизни: появляются симулякры источников власти: некий народ, структуры и организации, отношения по поводу власти, закрепленные в праве.

2. Кыргызская конституция сама по себе, и, естественно, то, что вокруг нее происходит - это один из ярких примеров дефляции реальности и транзита в виртуальность.

Я разберу только два из числа базовых институтов, воссозданных в нашей политической виртуальности и соответственно в ее священной книге - конституции. Это институт президента и институт политических партий. А потом поговорим о том, что такое развернувшийся вокруг конституционных изменений политический шабаш.

Далеко не случайно ключевой точкой инсurreкции в кыргызской политике являются президенты.

Институт президента в его кыргызской транскрипции - это превращенная форма российского монархического, а затем советского коммунистического формата власти. Он не имеет ничего общего с демократическими президентскими системами западных стран. Президент в нашей стране и в нашем сознании - это демиург, отец народа, верховный правитель, глава государства,

патриарх - и это все синонимы одного и того же - патримониального типа государства, отражающего патримониальное сознание общества.

У нас был хороший шанс использовать этот феномен общественного сознания для осуществления реальных трансформаций общества. Потому что в патримониальных обществах все реформы осуществляются только сверху. И я должен сказать, что если у нас есть какие-то изменения, то они сделаны благодаря президентам. Но, в силу особенностей такой конструкции, и все наши проблемы в том, что во главе государства не было ни одного «Ататюрка».

К сожалению, даже несмотря на печальный опыт сакрализации власти институт президента продолжает существовать, а люди продолжают думать, что все дело в отсутствии хорошего президента.

3. Значительную роль в дефляции политической реальности, ее виртуализации сыграло закрепление в конституции института политических партий с тем статусом, который им придан. Это вообще уникальная ситуация: в конституцию вводят, прописывают колоссальные полномочия в системе власти института, который в обществе отсутствует.

Я еще понимаю, когда, кажется в конституции 1998 года, была введена возможность выбора части парламента по партийным спискам как некоторый инструмент для стимулирования возникновения и развития реальных политических партий. Но тогда это касалось лишь части парламента и, напомню, сохранялась возможность контроля избирателей через механизм отзыва депутатов.

Закрепив в Конституции 2010 года выборы всего Жогорку Кенеша исключительно по партийным спискам, избавившись от возможности отзыва депутатов избирателем, мы окончательно выбрали путь полной изоляции власти от народа, мы выбрали путь формирования плутократии, мы выбрали путь разращения избирателя покупкой голосов, то есть полного вырождения демократии. Можно, конечно, успокаивать себя наведением порядка в процедуре голосования. Но вся ценность этого по сути технического аспекта выборов абсолютно обнуляется подкупом голосов и тем, а кого мы, собственно выбираем.

Нисколько не будет преувеличением сказать, что нынешние партии и соответственно нынешние депутаты не представляют никого, ничьи интересы, кроме интересов властных группировок, стоящих во главе так называемых партий.

Народ, избиратели специфическим образом включены в процесс формирования власти. Выборы полностью превратились в бизнес: на уровне избирателя - продажи голосов, на уровне партий - продажи мест в списках, на уровне Жогорку Кенеша и правительства - продажи государственных должностей.

Это все - прямые последствия той конституционной конструкции, которая была навязана стране в 2010 году. Причем именно навязана. Вот сегодня некоторые из противников конституционных изменений сетуют на то, что власти пытаются одним вопросом ввести все изменения. Но ведь эта конституция, которую они защищают, была принята ровно таким же способом. Не были приняты предложения о внесении на референдум альтернативных вариантов конституции. Конституционное совещание, которое так расхвалили в своем обращении члены Временного правительства, заведомо работало на один и только один вариант конституции. Еще хуже, что для принятия конституции был использован прямой шантаж: избирателей уверяли, что, приняв участие в референдуме и проголосовав за предложенную конституцию, они получают мир и спокойствие в стране. Это был верх политического фокусничества, поскольку дело обстояло ровно наоборот: именно эта конституция и ее принятие стали одной из главных первопричин трагических событий на юге страны в июне 2010 года. Организаторы этих событий просто использовали межэтнический конфликт как наиболее эффективную форму сноса новой власти и предотвращения ее правового закрепления.

4. Сегодня нет, наверное, ни одного человека, который бы не согласился с тем утверждением, что попытка перехода к парламентаризму провалилась. Конституция 2010 года оказалась совершенно непригодной для того, чтобы преодолеть патримониальную философию власти. Она сохранила институт президента и более того, она укрепила, модернизировала его, создав идеальные возможности для формирования квазипартийной системы - этого нового инструмента авторитаризма, придающего ему видимость демократии.

Поэтому крайне удивительно то ли лицемерие, то ли просто глупость, пусть сами выбирают, авторов этой конституции, защищающих ее с помощью обвинений инициаторов изменений в авторитаризме. И не менее удивительно, что в защите конституции участвуют те, кто понимал в 2010 году и понимает сейчас ее ущербность, но готовы, движимые логикой политического противостояния, отстаивать ее неизменность.

Это лицемерная конституция. И я скажу очень однозначно по поводу ее изменения: любые изменения заведомо лучше, чем сохранение такой конституции. Потому что каждый день существования созданной на основе этой конституции системы наращивает, делает все более необратимой квазидемократию, виртуальность власти, ее отрыв от реальной жизни людей. Нельзя позволять этой фиктивной конституции все больше укреплять фиктивность нашей политической жизни, какими бы аргументами это не обосновывалось.

И этих аргументов, кстати, всего три.

Первый, наиболее употребляемый, это тот, что изменения создают возможность закрепления у власти действующей властной группы. Это достаточно забавный аргумент, поскольку употребляющие его думают, что бороться за власть - это плохо. То есть вот когда они борются за власть - это нормально, а когда другие - это плохо. Употребление этого аргумента - не более чем свидетельство осознания оппозиционными группами, что у них недостаточно сил, недостаточно электоральной поддержки, чтобы самим воспользоваться теми возможностями, которые дадут эти изменения людям, находящимся у власти. Это характерный пример смены оценок в зависимости от позиционирования в политике. И я не оцениваю и тем более не осуждаю политиков: таковы правила игры и они в нее с упоением играют. Но и мы должны понимать, что все эти люди, выступающие сегодня против изменений конституции, придя к власти, первым делом начнут ее менять. Потому что там не ни одного человека, включая самого Текебаева, который считает, что это хорошая конституция. Мы помним, как он еще год назад признавал необходимость изменений и даже сам вносил предложения.

Другие аргументы - о якобы необходимой стабильности конституции и о процедурных нарушениях вообще носят формально юридический характер. И они исходят, кстати от юристов и правозащитников. Я не хочу их вообще обсуждать, потому что это вопрос философии права. А, на мой взгляд, философия права всегда вторична по отношению к философии жизни и даже философии управления. Право - не более чем инструмент. И попытки абсолютизации его, вознесения его на вершину регуляторного статуса - это профессиональный психоз.

5. При этом я не являюсь сторонником тех, кто полагает, что конституционные изменения не имеют значения вообще, что неважно, что написано в конституции, что может быть любая форма правления, лишь бы люди во власти были хорошие.

Уповать на хороших людей, все равно - на просвещенного диктатора или на впитавший демократию с молоком матери народ, - в нашей ситуации одинаково бессмысленно.

Нам нужна развивающаяся, продвигающая к определенной цели и в то же время имманентная для ментальности кыргызского общества, совместимая с ним по тканям, конструкция устройства власти.

Обратите внимание, что бы ни было написано в наших конституциях, люди живут по своим правилам. И нам не удастся избавиться от киношного, виртуального характера властных институтов и политики вообще, если мы будем продолжать жить по модельным конституциям, не будем опираться на реальную жизнь и реальные законы сосуществования людей в кыргызском обществе.

Основные реперы этой реальной, а не модельной реформы системы управления понятны:

- это переворот пирамиды власти с головы на ноги. Запуск полномочного местного самоуправления как основы народовластия в стране.
- это отказ от патримониальной системы власти страны. Перефункционализация пока еще сохраняющегося института президента и отказ от него после введения нового конституционного порядка. Подлинно представительские принципы и порядок формирования законодательной власти. Кардинальная реформа исполнительной власти.
- это административно-территориальная реформа, переход к программному развитию новых регионов, сформированных по целеологическим, содержательным, а не формально-территориальным основаниям.
- это не выдумывание все новых и новых костылей - советов, названий - для существующей, а комплексное реформирование всей правообеспечивающей системы.
- это смена роли и функций государства в управлении экономикой, социальной сферой, человеческим развитием.
- это, наконец, хотя это самое главное, смена управленческих элит.

Ну и далее в этом духе...

Вот такую конституционную реформу надо готовить сейчас, не торопясь. Вполне реально хотя бы к 25-летию суверенной конституционной истории или, ничего страшного, даже к 2020 году получить наконец нормальную кыргызскую, а не списанную у других стран, конституцию. И если уж поддерживать идею широкого конституционного совещания, то именно для такой работы, а не для обсуждения: сколько раз может премьер-министр ставить вопрос о доверии.

Если мы это сделаем, это и будет третья, на этот раз настоящая революция.

Пока же мы видим политическую Санта-Барбару, участники которой думают, что это и есть жизнь.

Такое вот кино. Поэтому давайте запасаться попкорном и продолжать быть зрителями в этом кинозале, который называется «сегодняшняя кыргызская политика».

Реальная жизнь и реальная политика это другое, как там в известном киносериале: the truth is out there.

Клара Сооронкулова:

Немного нужно рассказать о 2010 годе.

Непосредственно я участвовала в работе по разработке конституции и обсуждению конституции. Откуда возникла эта норма, о том, что конституцию нельзя менять до 2020 года? Эта была

инициатива Чиркешевича, он предложил ее на конституционном совещании и тех кто был против, их было достаточно много, как вы помните, была определённая группа, которая предлагала убрать принцип светскости, в первую очередь они были против, то есть, они считали, что светскости вообще не должно быть в будущем, поэтому они рассчитывали на то, что конституцию через некоторое время придётся менять.

Когда были мнения против, Омурбек Чиркешевич сказал: “Я могу представить вам прогноз с точностью, что когда сформируется парламент, тут же возникнет конституционный зуд. Конституцию захотят менять. Давайте обеспечим стабильность, я прекрасно понимаю, что конституция должна быть динамичная, что вполне могут быть такие предпосылки, в силу которых конституцию нужно будет менять, но давайте попробуем эту стабильность и неизменность обеспечить до 2020”. Потому, что это были новые нормы в этой конституции, на основе этих новых норм, должны были сложиться отношения которые до 2020 года должны были устояться.

Но Валентин Борисович сказал, что в Кыргызстане партий не было. Формально партии были, то, что была заложена эта модель, которая ближе к парламентской, пропорционально избирательная система. На мой взгляд, из тех посылов, которые были на совещании высказаны, вот эту политическую стихийность, мы хотели направить в организованное правильное русло.

В 2010 году эта была пост революционная эйфория. Возможно какого-то глубокого анализа не было, я не хочу в этом оправдываться. Через призму своего собственного отношения к этим процессам, я верила в то, что здесь заложено, оно устоит. Потому, что не обязательно, то, что есть, должно быть заложено в конституцию. В большинстве случаев, конституция особенно для нас, для пост советских государств, она является программным документом.

Здесь есть норма, что права человека — это высшая форма, но ощущение, например, обычного киргиза, если вы у него спросите, что для тебя высшая ценность? Он никогда не скажет, что эта права и свобода человека. Ценности на самом деле другие. То есть задача заключалась в том, чтобы на основе этих норм, складывались новые отношения и новая культура.

25 лет прошло с тех пор, как Кыргызстан стал независимым государством, и эти нормы из одной конституции переходят в другую, но я не могу сказать, что так мы и стоим. Сегодня мы видим очень активное гражданское общество. Этот консенсус был заложен и самое удивительное он был заложен именно так что до 2020 года, Жогорку Кенеш не мог изменить конституцию, поэтому в 2015 году мне было дано поручение, не буду называть кто, когда я еще работала в палате, мне сказали надо найти лазейку, чтобы изменить конституцию. Я сказала, что лазейки здесь нет, и с удивлением обнаружилось, что в 2012 году ЖК своим законном, запретил проявлять законодательную инициативу даже народу. То есть, весь вот этот процесс изменения конституции ЖК он был заблокирован. Почему сегодня депутатами иницируются, я имею в виду чисто юридический подход, не политологический, потому, что есть консенсус, есть договор, конституция для простого человека — это договор, есть договоренность, она утверждена на референдуме, почему вносится законодательная инициатива, если внесение законодательной инициативы — это часть законодательного процесса, ее нельзя никак вырвать из всего процесса, если им сказано вам нельзя менять, значит и законодательную инициативу нельзя вносить, тут нашли лазейку, вырвали норму из контекста, а на продолжении части второй, она вступит в силу только в 2020 году, это относительно того, почему сейчас иницируется, меняется конституция. Относительно мнения Вячеславу Борисовича, почему так получилось? В 2010 году самая главная задача была обеспечить постепенный переход к парламентаризму. Да, мы не ставили задачу, что приняв конституцию свершится парламентаризм. Это должен был быть постепенный переход и поверьте мне полномочия президента очень сильно урезаны. Элементарно во внешней политике, он не может подписывать международный договор, если нет контрасигнации, если нет согласования с премьер-министром. Что происходит на самом деле? В законы в правительстве они внесли норму, что премьер министр обязан подписать такой договор, то есть здесь ключевую роль должен был играть премьер министр, а президент просто символически, а получилось

наоборот. В законы в правительстве включили норму, что президент может председательствовать на заседаниях в правительстве. У президента нет такого полномочия. В конституции четко указано, что президент может осуществлять только те полномочия, которые есть в конституции. Расширять их законодательно нельзя. Президент создает какие-то государственные службы, на каком основании? По конституции 2007 года, да, у президента были такие полномочия, он даже мог определять штатную численность госслужащих, но этого полномочия сегодня нет. Он создает органы, мало того в законе национальной безопасности сохранилась норма которая дает президенту право определять политику внешней безопасности. Был такой спор какой орган должен определять внутреннюю и внешнюю политику государства? Вопрос остался не ответственным, но по логике парламентской республики, внешнюю и внутреннюю политику определять должно правительство. То есть тот порядок который сегодня сложился противоречит конституции, противоречит содержанию конституционных норм. Мы хотели убрать вертикаль, но вертикаль сама по себе сложилась, плюс они через законодательство ее и легализовали. Недолжно быть по этой конституции, по тем полномочиям которые у президента есть, у нас не должно быть президентской республики. Сегодня у нас фактически президентская республика. Мало того, что он является ядром политического режима, сегодня еще и архитектором стал этого режима. Действительно, я этим возмущена, потому, что была надежда, когда Роза Исаковна была главой государства, так как она в эти процессы так не вмешивалась, то есть те полномочия которые ей были даны, она реализовала их добросовестно на мой взгляд.

Есть первый и второй раздел конституции, который является неприкосновенным, это основа конституционного строя и права и свобода человека, инициировать поправки в эти разделы ЖК не может, даже если наступит 2020 год. Государство не может распоряжаться нашими правами, инициировать, рассматривать, разрабатывать, обсуждать, принимать, это только может народ. Тут они вносят изменения в преамбулу. Преамбула не имеет нормативного значения, но эта такая торжественная часть и обратите внимание, там говорится “Мы народ Кыргызстана” и в каких целях мы принимаем конституцию, они решили произвольно сами внести какие-то ценности, человек, его жизнь, его здоровье, дальше идут права и свобода. Если подходить технически это все включается в права, и свобода человека. Зачем вообще надо было преамбулу трогать?

В разделе права и свободы человека, норма которая давала гражданину Кыргызской Республики рассчитывать на то, что ущерб будет возмещен и права будут восстановлены в том случае, если международные органы признают нарушение прав. Эту норму убрали, почему? Потому, что исполнять не будут, не исполняли до сих пор. КПЧ может принимать сколько угодно решения, но исполнять они его не будут. 17 решений было принято, ничего не исполнено. Самое страшное, что меняется баланс ветвей власти. Элементарный пример, сегодня процедура освобождения судей, дисциплинарное производство осуществляет дисциплинарная комиссия, которую совет судей формирует сам, из своего числа, из членов совета судей. Если это касается судей верховных судов, президент и потом ЖК, здесь баланс был соблюден. В том случае, если совет судей выходит за какие-то рамки, сдержкой является президент. Если президент позволяет себе лишнее, то сдержкой является парламент. Сегодня получается так, дисциплинарная комиссия, которая находится при совете судей, а это орган судейского самоуправления, он формируется исключительно судьями, дисциплинарная комиссия находится при нем, при этом она совершенно автономна и формируется советом судей на одну треть и соответственно по одной третьей ЖК и президентом. В этом процессе виноват судья или нет, участвует президент и ЖК и дальше участвуют они на следующих стадиях это чистойшей воды доминирование у нас судебная система итак абсолютна бессильна и безвольна, но когда есть какие-то нормы есть еще шанс что кто-то может поднять голову эти нормы они окончательно поставят судей на колени ну или вопиющая норма которая запрещает судье который был освобожден за дисциплинарный проступок последующем занимать государственную муниципальную службу. Это чистойшее умаление и лишение человека прав. К примеру, возьмите меня, для меня поставлен шлагбаум относительно государственных и муниципальных должностей. Я дважды несу ответственность, то есть один раз уже понесла, меня выгнали из судебной системы, теперь второй раз буду нести юридическую ответственность. Но есть же юридическая презумпция, никто не может нести дважды

юридическую ответственность за одно и то же правонарушение. Или же, норма, которая позволяет премьер министру или вице-премьер министру совмещать должность депутата, еще голосовать на заседаниях и принимает участие в работе фракций комитета, это разве можно назвать усилением премьер министра? Конечно же, это зависит от расстановки политических сил, но если в такой конфигурации, у нас премьер министр вообще будет никакой, он будет полностью подотчетен фракции, соответственно партийному лидеру, то есть таких нюансов по каждой поправке нет. Ни одной разумной поправки, которая была бы в интересах народа и которая была бы направлена на какой-то прогресс.

С Валентином Борисовичем, я согласна только в одном, что нужна новая конституция. Когда весь этот процесс начался, я поднимала этот вопрос. В тех кругах, где мы обсуждали, я говорила давайте вынесем альтернативный проект этот проект есть. Народные институты, курултай, в принципе можно сказать что в конституцию очень много заложено сугубо кыргызского, народного.

Сегодня, я согласна с тем, что здесь сегодня было заложено, оно не состоялось. Мы видим синтетические партии, сфабрикованная коалиционное большинство, подневольные зависимые суды, все тот же рассвет коррупции, ничего не изменилось.

Я предлагала давайте вынесем альтернативную конституцию, мы не сможем остановить этот процесс, в прошлом году наверно это удалась, но были скорее всего свои внутренние игры.

На сегодняшний день, мы должны четко ответить на вопрос, или мы отказываемся от ценностей которые на протяжении 25 лет не можем привить нашему обществу, или же мы продолжаем дальше эти ценности культивировать в надежде на то, что растет другое поколение.

Динара Маслова:

Все изменения в конституции, в этой и в предыдущей являются политически конъюнктурны. Предстоящий референдум и изменения в конституции для меди это естественно информационный повод, который мы обсуждаем.

Что у нас есть в информационном поле?

Во-первых, нужно понимать, что информационное поле делают ньюсмейкеры, а не только СМИ, в данном случае это депутаты и аппарат президента.

Рассмотрение по фракциям проходило в закрытом режиме, только фракция "Онугуу" впустила к себе журналистов, но все же обсуждений было несколько, нас допустили только на одно или два.

Не приглашают на рассмотрение. Обращаешься к знакомым депутатам, они не имеют понятия, что обсуждается, где есть поправки. То есть журналисты звонят за комментариями по той версии конституции, которая была вывешена на сайте ЖК на общественное рассмотрение. Меди обнаружили, что обсуждается другая версия изменения в конституции, не та, что есть на сайте.

В это время правительственное, СМИ в обществе ничего не разъясняют. Государственное СМИ и те, кто находятся под контролем власти покрывают большую часть информационного поля.

Идет полная дискредитация тех, кто высказывает другое мнение.

Что делает оппозиционное СМИ, то есть те, кто оплачивается оппозиционными политиками, они так же ничего не разъясняют, такими же методами собирают компромат на оппонентов. Что

делает независимое СМИ? Пишут мало о политике, потому, что коммерческие организации в большей части заняты другими делами, то есть политика занимает одну десятую часть.

Видна метода, каким образом пытаются манипулировать общественным мнением.

Во-первых, это выступление первых лиц, оно обеспечивает широкий обхват, это тиражирование заявления лидеров фракций, рассылка пресс релиза от правительства и президента. Навешиваются ярлыки инакомыслящих, то есть это полное дискредитация чужого мнения.

Идет протаскивание закона, идет информационное наслоение.

Лично мне председатель ЦИКа говорила, что по закону выборы в местные Кенеши, нужно проводить 27 ноября, сейчас их пытаются провести в день референдума 11 декабря. По их словам, это экономия средств бюджета, но, а как же закон? На фоне всего этого закрепляется такое мнение, почему мне, как гражданину нарушать закон нельзя, а людям из верхушки можно?

Эмиль Джураев:

Как мы оказались здесь? How did we end up here?

Говоря слово здесь, я имею в виду почему мы снова перед референдумом? И почему эта инициатива настолько проблемная, оспариваема и так далее?

Мне кажется, из предыдущих трех выступлений уже очерчены отдельные моменты и мне остается добавить несколько своих.

Конституция, в большей части политологический, нежели юридический документ. В политике, как вы знаете, особую роль играют убеждения.

Конституция, приемлема настолько, насколько мы ее воспримем. Мне кажется конституция не воспринимается, мы привыкаем к ней.

За этим “мне кажется” эти 10 лет, были отведены нам для того, чтобы привыкнуть к новому принципу введению политики и построения управления страной.

Несколько вещей, которые привели нас к тому, что мы опять стоим у того разбитого корыта.

Во-первых, конституция 2010 года на сегодня, оказалось очень легкой мишенью для атак, критики и соответственно для поднятия вопроса что можно внести?

Мы систематически допустили мысль о том, что конституция у нас не такая уж, и хорошая, плюс к тому, что было бы не плохо ее изменить.

Мне кажется, это был большой урон для нынешней конституции, с точки зрения опять-таки же политики, когда такой торжественный, церемониальный политический главный документ, не обрел то, уважение, которое требовалась для того, чтобы оно укоренилась в лице рядового гражданина.

Во-вторых, я соглашаюсь с Валентином Борисовичем, что политические партии и их фракции, сыграли в ЖК ключевую роль, в том, что у нас не осталось никак тормозов перед тем, как приступить к внесению в процесс изменения в конституции. Возможно, есть горькая правда в том, что партия СДПК является не партией. Когда мы говорим “СДПК” мы должны говорить довольно узком круге президента и не более. Большинство министров и большинство всяких

директоров разных агентств, являются людьми, связанные друг с другом. Почему это важно? Потому, что вопрос конституции, вопрос редактирования конституции, как бы это плохо не звучало является элитным вопросом.

Недавно, с коллегами обсуждали статью, писали о том, что жизнеспособность конституции 2010 года, зависит от того, насколько плюрализм политический в Кыргызстане, который можно наблюдать, будет устойчивым, насколько разные интересы смогут противостоять друг к другу. Этого не произошло. Почему? Потому, что оказывается никаких серьёзных претензий и серьёзных разногласий не было, они были все сильно договора способны между собой. Например, О. Бабанов, который вроде в оппозиционной части предлагал кучу изменений в конституции, но в том, что сейчас предлагается, его идеи могут совпасть только в некоторых аспектах. В принципе, новая редакция конституции не по душе, но все же он один из главных сторонников этой инициативы.

В-третьих, я бы сказал касательно института президента, какую роль играет президент? Это довольно-таки сложная вещь, которую трудно изжить.

Как же дальше будут жить люди, которые вчера руководили страной? Нынешний президент и его близкие соратники имеют важные причины задуматься о будущем и мне кажется это важно.